

Глава 1. Первая встреча

Цзянь Цинъюй приподнял деревянную крышку и посмотрел на оставшиеся на дне чана несколько расколотых зёрен отборного риса. Помолчав немного, он равнодушно накрыл чан обратно.

Широким шагом выйдя из кухни, он направился в комнату. Дом был маленький и ветхий. С его длинными ногами, ему хватало пары шагов, чтобы дойти до комнаты, где он спал.

Впрочем, назвать это комнатой было сложно. Кровать кое-как сколотили из досок — стоило тронуть, как она жалобно заскрипела. Сверху лежало ещё относительно чистое жёлтовато-белое одеяло — тонкое, почти невесомое. Вместо подушки — квадратный деревянный чурбак.

Кроме этого, в комнате стоял лишь такой же деревянный стул, у которого одна ножка была короче остальных.

Цзянь Цинъюй шагнул к кровати, одним коленом опёрся о доски и откинул одеяло. Возле подушки небрежно валялся крошечный обломок серебра размером с ноготь.

Он протянул руку, поднял серебро и вышел наружу.

За его спиной дверь, покачиваясь, осталась распахнутой настежь, будто хозяин совершенно не боялся, что кто-то войдёт.

В лесу царил тишина. Цзянь Цинъюй неспешно шёл по тропе. В его расслабленных, ленивых чертах читалось безразличие.

«Похоже, снова придётся идти в горы. Без хорошего риса долго не протянуть. Ещё несколько дней и можно заранее копать себе яму».

Два месяца назад староста деревни Дахэ подобрал Цзянь Цинъюя у дороги.

Очнувшись и разобравшись в своём положении, тот назвал себя беженцем из других мест и сказал, что вся его семья погибла.

Тогда староста отвёл его в ямынь. После проверки выяснилось, что он не преступник и не беглый разбойник. Ему оформили документы и приписали к деревне Дахэ.

Так Цзянь Цинъюй получил дом на окраине деревни, у самого подножия горы, — жалкую глинобитную хижину, где четыре стены едва можно было назвать стенами.

Но ему было всё равно.

Просидев целый день во дворе, заросшем сорняками, он просто остался там жить.

Цзянь Цинъюй свернул на обходную тропу, чтобы не проходить всю деревню.

Он и представить не мог, что даже на такой глухой дороге можно наткнуться на людей.

В тот миг, когда до него донеслись голоса, он остановился.

Высокая фигура замерла за стволом дерева. Расслабленность мгновенно исчезла, а всё тело напряглось в настороженности. Любые неожиданные люди и события вызывали у Цзянь Цинъюя раздражение.

Живые были отвратительнее мёртвых...

Чтобы пройти дальше, пришлось бы неизбежно потревожить незваных гостей. Не ища лишних проблем, он лениво прислонился к дереву. Половина его тела скрылась в густой тени, а другая осталась снаружи, холодно наблюдая за происходящим.

— Ну и заставил же ты нас побегать. А я-то думал, чего тебя в последнее время нигде не видно. Оказывается, ты стал этой поганой тропой ходить.

Бровь Цзянь Цинъюя едва заметно дёрнулась.

Жаль...

Похоже, этой дорогой теперь тоже пользоваться нельзя.

— И не говори. Но слушай, тропу ты выбрал удачную. Тут не то что людей, тут даже птицы не увидишь. Зато не придётся сталкиваться с тем старым хрычом-старостой.

Цзянь Цинъюй перевёл взгляд на говоривших.

Один был мерзким на вид типом с похотливой физиономией. Двое других — молодые коротышки, толстые и неуклюжие. Последний — худой, словно жердь, мужчина средних лет.

—

Слепешарые. Просто слепешарые идиоты.

Цзянь Цинъюй тут же развернулся, собираясь уйти.

Но за спиной снова послышались мерзкие голоса. Заговорил тот худой, похожий на жердь мужчина:

— Линь Жун, ну вот скажи, зачем тебе это? А? Вышел бы замуж за меня — я бы и твоего хромого слепого папашу согласился терпеть. Такой хороший человек, как я, днём с огнём не сыщется. И моим братьям не пришлось бы за меня вступаться и всё время тебя караулить.

— Мой отец не слепой. И не хромым, — голос юноши прозвучал ясно и холодно, с явной настороженностью.

Шаг Цзянь Цинъюя замер.

Линь Жун.

Знакомое имя...

В следующий миг в его глазах вспыхнуло изумление.

—

Перепалка продолжалась.

— С дороги.

— Ого, да у тебя характер! Посмотрим, надолго ли тебя хватит. Да Нью! Да Люй! Хватайте этого

упрямца! Такой у тебя острый язычок, аж самому попробовать его захотелось! Ха-ха-ха!

При виде двух крепких мужиков, отвратительно ухмыляясь направлявшихся к нему, Линь Жун лишь сильнее насторожился. В его красивых глазах с приподнятыми уголками не было страха... была только холодная сосредоточенность.

Он снял со спины большую корзину и спокойно вытащил из-за пояса широкий тесак.

В тот же миг перед глазами вспыхнул холодный серебристый отблеск стали.

Перед каждым выходом из дома, пользовался Линь Жун ножом или нет, он всегда точил его до состояния, когда лезвие могло разрубить волосок на лету.

Юноша поднял взгляд на троих мужчин перед собой.

— Не бойтесь сдохнуть — подходите.

Оправившись от удивления, Цзянь Цинъюй вновь посмотрел на худощавого, но упрямого паренька. В его холодном взгляде впервые промелькнуло что-то сложное — любопытство, смешанное с едва заметной заинтересованностью.

Никто из троих не ожидал, что этот гер окажется настолько жёстким.

Глядя на поблёскивающий тесак, мужчины невольно сглотнули. Один удар и белое лезвие войдёт в плоть. Тут уже не до шуток. Если не повезёт, то сразу отправишься к Яньло-вану.

Худой мужчина про себя выругался. Он и раньше понимал, что этот гер крепкий орешек, но не думал, что настолько. Как бы не вышло так, что орех раскусить не удастся, а вот зубы себе переломаешь.

— Эй-эй-эй! Линь Жун, Жун-гер, не горячись. Старший брат ведь о тебе заботится. Подумай сам: ты уже взрослый неженатый гер, отец у тебя хромой да слепой. Если не выйдешь замуж, то в доме и мужчины не будет, кто всем заведовать станет. Разве так можно? Скажи, разве я не прав?

На словах он изображал искреннюю заботу, но его бегающие глазки выдавали дурные намерения с головой.

Да Ню и Да Люй, глядя на слепящий отблеск ножа, сами едва не задрожали от страха и поспешно закивали:

— Д-да! Наш старший дядька прав! Чего ты такой неблагодарный?

Линь Жун даже глазом не повёл.

За эти годы он уже привык к подобным «добрым» речам, и в его душе давно не осталось ни малейшего отклика. С бесстрастным лицом он вновь качнул в руке тесак:

— Уходите... либо навсегда останетесь здесь.

Лес был густым, поэтому солнечный свет почти не пробивался сквозь кроны деревьев. Лишь редкие золотистые блики рассыпались между ветвей. Они отражались от лезвия так ярко, что невольно резало глаза и холодило сердце.

Худой мужчина средних лет в деревне славился тем, что умел только слабых запугивать. Стоило встретить кого-то мягкого, и он сразу строил из себя тирана. Но наткнувшись на твёрдый камень, начинал дрожать и готов был бежать без оглядки.

— Всего лишь пришлый гер с чужой фамилией, а ещё смеешь тягаться с нашим родом Цзянь! Запомни мои слова! Маленькая дрянь, раз не ценишь доброту, то в следующий раз я тебя проучу!

Видя, что угрозы и уговоры не действуют, мужчина от злости аж перекосялся. Бросив напоследок угрозу, он поспешно удалился.

— Старший дядька, подождите нас!

Глядя вслед убегающим, Линь Жун убрал тесак. О чём-то подумав, он вдруг резко дрогнул длинными густыми ресницами.

Цзянь...

Нарушители ушли, и лес вновь погрузился в свою естественную тишину.

Лицо Цзянь Цинъюя оставалось спокойным. Он даже не смотрел вслед Линь Жуну. Его взгляд был прикован к дороге, по которой скрылись те трое.

Только сейчас он вспомнил, как староста однажды сказал ему, что в деревне Дахэ есть лишь одна большая фамилия — Цзянь. Остальные семьи, что за последние годы перебрались сюда, спасались от бедствий и смут.

Староста тогда ещё сказал, что раз у Цзянь Цинъюя та же фамилия и он сумел добраться до Дахэ, значит, это судьба.

Судьба?

Цзянь Цинъюй лишь презрительно усмехнулся про себя.

Он не спешил. Обычные жители деревни тратили на дорогу до посёлка и обратно четыре часа, а Цзянь Цинъюй неторопливо растянул путь на все шесть. Вышел он на рассвете, а вернулся уже глубокой ночью, когда вокруг стояла кромешная тьма.

Цзянь Цинъюй ловко двигался по тёмной глинобитной хижине.

Внизу, в деревне, давно всё стихло, но из бесконечных гор и лесов за домом то и дело доносились странные звуки — то пронзительные, то пустые и гулкие, то вовсе жуткие крики насекомых, зверей и птиц. От таких звуков у обычного человека душа ушла бы в пятки.

Но Цзянь Цинъюй будто ничего не слышал.

Он даже лампу не зажёл и с удивительной сноровкой ходил в полной темноте.

Не знай, что это его дом, — решил бы, что внутри орудует вор.

Разложив принесённые вещи, он взял большой чан и исчез во мраке за домом. Не прошло и четверти часа, как он вернулся с полным чаном речной воды.

Весна уже вступила в свои права, но ночи всё ещё хранили холод ранней весны. Ледяная вода

одна за другой обрушивалась на крепкое тело, покрытое шрамами. Цзянь Цинъюй, не меняясь в лице, стоял посреди тёмного двора, заросшего бурьяном, где время от времени слышалось шуршание травы, и спокойно мылся.

Неважно, выходил он из дома или нет, был грязным или чистым — раз в день Цзянь Цинъюй неизменно обливался водой.

Словно так можно было смыть вевшийся в память трупный смрад и запах крови, который всё никак не исчезал из его носа.

В горах Цзянь Цинъюй пробыл много дней. Когда он снова спустился вниз, то уже больше походил на дикаря. Помывшись, он взял свёрток, обёрнутый грубой потрёпанной мешковиной, и направился к дому старосты.

А пойти к старосте и остаться незамеченным в деревне было невозможно.

— Ого! Чей это парень? Да какой красавец!

— Чей? Не припомню такого...

— Батюшки небесные...

Не обращая внимания на любопытные взгляды и приглушённые перешёптывания вокруг, Цзянь Цинъюй постучал в дверь и спокойно замер у входа в ожидании.

— Скрип...

Староста, Цзянь Дафан, увидев высокого молодого мужчину за дверью, сперва опешил. Он хотел было поприветствовать его, но никак не мог вспомнить имя.

— Цин... Цин...

— Юй, — равнодушно подсказал Цзянь Цинъюй.

Цзянь Дафан тут же закивал, по-своему поняв услышанное:

— А-а, охотник Цинъюй!

— Заходи, заходи скорее.

Он поспешно впустил его внутрь и прикрыл дверь, отсекая любопытные взгляды снаружи.

— Эй, отец детей! Налей охотнику Цинъюю чаю! — крикнул староста из главной комнаты в соседнее помещение.

— Иду, иду!..

В комнату вошёл гер средних лет с двумя чашками чая. Лицо у него было мягкое и добродушное, а тонкие морщинки в уголках глаз лишь добавляли ему спокойствия и теплоты.

С улыбкой староста представил его:

— Это твой дядюшка Ли.

— Дядюшка Ли, — спокойно поздоровался Цзянь Цинъюй.

Ли Чунь растерянно откликнулся, но взгляд его всё никак не мог оторваться от красивого лица высокого юноши. Усмехнувшись, он сказал:

— Ай-яй! А твой дядя всё рассказывал мне, какой ты красавец, прямо небожитель. Я-то думал, он преувеличивает, а выходит это чистая правда.

Вот ведь чудеса, мысленно цокнул языком Ли Чунь.

Кожа блее, чем у самых светлокожих деревенских девушек, губы яркие, волосы гладкие и блестящие... Если бы не высокий рост, его и вовсе можно было бы принять за девушку.

Под этим полным любопытства и восхищения взглядом, Цзянь Цинъюй чуть улыбнулся, но эта улыбка так и не коснулась глаз.

— Дядюшка шутит.

Какая польза от красивого лица, если оно только притягивает неприятности?

Цзянь Дафан махнул рукой Ли Чуню:

— Иди пока. Нам с охотником Цинъюем нужно поговорить.

С того самого момента, как Ли Чунь вошёл, Цзянь Цинъюй так и не заговорил о цели своего визита. Староста прекрасно понял почему.

Ли Чунь вышел.

Снаружи стоял ясный день. Двери просторной главной комнаты были распахнуты настежь, и внутри было светло.

У Цзянь Цинъюя от природы были тонкие губы, будто всегда тронутые улыбкой. Даже когда взгляд его оставался холодным и безразличным, люди всё равно невольно обращали внимание именно на эти яркие губы.

Сейчас уголки рта Цзянь Цинъюя приподнялись настолько сильно, что трудно было усомниться в его намерениях.

Он положил принесённый свёрток на стол и подтолкнул его к старосте.

— Дядя, сегодня я пришёл попросить вас об одном деле.

— Да что ты, говори прямо! Если я смогу помочь, то обязательно...

Громкий уверенный голос Цзянь Дафана внезапно оборвался.

Мешковину развернули, и внутри оказался жёлто-бурый корень женьшеня... не слишком большой, но и далеко не маленький.

Главный корень покрывали плотные кольцевые полосы, словно годовые кольца дерева, а тонкие корешки выглядели упругими и живыми. Даже человек, ничего не понимающий в лекарственных травах, сразу понял бы, что перед ним редчайший женьшень огромной ценности.

Цзянь Цинъюй не дал ему долго гадать.

— Примерно триста лет.

У Цзянь Дафана тут же задрожали руки, ноги и даже губы. За всю свою жизнь он никогда не видел настолько дорогой вещи. Он не осмелился даже прикоснуться к женьшеню и поспешно, двумя пальцами ухватившись за край мешковины, осторожно подтолкнул свёрток обратно.

— Нельзя, нельзя! Такая драгоценность... Старик вроде меня за всю жизнь подобного не видел! Ах ты, мальчишка! Быстро убери это!

С этими словами он поспешно вскочил, подошёл к двери и тревожно огляделся по сторонам. Лишь убедившись, что рядом никого нет, он с облегчением вернулся обратно.

Пока староста суетился, Цзянь Цинъюй даже не шелохнулся. Он не стал забирать женьшень и спокойно произнёс:

— Не отказывайтесь. Я нашёл его в горах во время охоты. У меня крепкое здоровье, так что мне эта вещь без надобности, только зря пропадёт. Лучше уж отдать вам.

Он слегка улыбнулся.

— Что скажете?

Видя сомнения и колебания старосты, Цзянь Цинъюй неторопливо добавил:

— К тому же у меня есть просьба. Не могу же я позволить вам получить такую выгоду просто так.

Слова были прямыми и совсем не учтивыми, но Цзянь Дафан лишь почувствовал, что всё сказано по делу.

Да какая там выгода — это настоящий подарок судьбы!

Краем глаза он то и дело косился на свёрток под грубой тканью и нервно сглатывал. Перед такой вещью мало кто смог бы устоять. В его душе смешались жадное желание и почти благоговейный страх.

— Э-э-э... Ну... Цинъюй... ты сперва скажи, чего хочешь. Я ведь всего лишь староста деревни. Ни великий чиновник, ни богатый землевладелец... Я... многого не могу...

Цзянь Цинъюй откинулся назад, на губах его застыла безупречная улыбка.

— Не переживайте. Я не стану просить того, что вам не по силам. И уж точно не попрошу убивать, грабить или творить что-то против совести и небесных законов.

Он чуть кивнул на свёрток.

— Сперва примите подарок.

Как бы грозно ни выглядел деревенский староста, по сути он оставался обычным крестьянином, всю жизнь копавшимся в земле. Перед такой драгоценностью невозможно было не дрогнуть.

Раз Цзянь Цинъюй уже дал такие гарантии, Цзянь Дафан больше не мог отказаться.

— Тогда... дядя принимает...

Бережно прижав свёрток к груди, староста снова посмотрел на Цзянь Цинъюя. Теперь в его взгляде уже не было ни снисходительности старшего к младшему, ни властности деревенского главы. Лишь осторожная, почти угодливая вежливость.

Цзянь Дафан сумел занять место старосты среди множества деревенских мужиков именно потому, что прекрасно понимал, когда нужно прогнуться, а когда стоять твёрдо. Он всегда ясно осознавал собственное положение и цену другим людям.

— Говори.

Цзянь Цинъюй поднялся. Обмакнув палец в чай, он вывел на тёмной поверхности стола два иероглифа.

— Подумайте. Был ли раньше в деревне такой гер? Молодой ещё.

Цзянь Дафан уставился на постепенно исчезающие влажные знаки. Его брови тут же сошлись на переносице.

— Цзянь Шу... Вроде имя знакомое...

— Ещё бы не знакомое.

Улыбка Цзянь Цинъюя стала чуть глубже.

— Его отец, кажется, был в деревне довольно известным человеком.

<http://bllate.org/book/17612/1638519>